

ного тепла», К. «получил за минувшие четыре года несколько сот писем, и свыше пятидесяти рецензий появилось в зарубежной русской прессе» (**Карач-Мурза (Тверь против Москвы)**). М., 1993. С. 5–8). К. решает расширить границы своего повествования и превратить его в трилогию: в 1962 в Буэнос-Айресе выходит роман «Карач-Мурза (Тверь против Москвы)», в 1963 — роман **«Богатыри проснулись»**. Трилогия дополнится двумя романами: **«Железный хромец»** (1966) и **«Возвращение»** (1967). К. добросовестно и любовно подошел к изучению исторической эпохи. Помимо древнерусских и восточных источников в поле его зрения были исследования Б. Грекова, Д. Лихачева, исторические романы советских писателей. Первый роман К. «Ярлык великого хана» повествует о судьбе карачевского князя Василия: в результате сговора родственников-князей он теряет княжество — «ярлык великого хана» отдан др. князю. Василий едет в Орду восстанавливать справедливость. Во второй и третьей книгах трилогии автор отдает важную роль Карач-Мурзе, сыну погибшего в Орде Василия и его жены-татарки Фейзулы.

В «Ярлыке великого хана» определились позиции К., его взгляды на задачи исторического романа. Следуя традициям древнерусской лит-ры, К. делает своими главными героями историю и ее подлинных действующих лиц. Закономерны эпиграфы из древнерусских летописей и произведений, предвещающие главы, развернутые примечания, комментарии: роман «Карач-Мурза» открывается авторским введением — статьей, в которой анализируется общественно-политическое положение Руси и Орды в начале второй половины XIV в. К. выступает против разного рода нигилистических точек зрения на историю Руси. По убеждению К., общественные отношения на Руси испокон веков развивались своими собственными путями, не схожими с практикой др. народов. И вопреки мнению об отсталости Руси, К. доказывает (на сравнении правовых норм), что «древняя средневековая Русь была гораздо гуманнее Запада». К. резко возражает против норманнской теории. В К. удачно сочетаются пылкий, эрудированный историк с художником, вглядывающимся во внутренний мир героев. К. удалось избежать идеализации и модернизации героев. Писателю присуще историческое чутье и чувство меры. В романах любовно воссоздана особая атмосфера русского бытового уклада, описания детально, излишнего этнографизма в них нет. Любовные сцены отличаются целомудренностью.

Романы написаны добротным русским языком, писатель не злоупотребляет архаизмами (он близок к традиции А. Н. Толстого в «Петре Первом»).

В романах «Карач-Мурза» и «Богатыри проснулись» выдвигается тема Москвы и Дмитрия Донского, который, по мысли К., «заслуживает наречения великим» более, чем др. монархи. У писателя есть ряд претензий к роману С. П. Бородина «Дмитрий Донской», связанных с образом князя Дмитрия Ивановича. Романы К. содержат полемику с романом Бородина, в котором он увидел принижение роли князя Дмитрия Ивановича.

К. работал и в жанре исторического очерка (сб. **«Из нашего прошлого», «Арабески истории»**). Его перу принадлежат очерково-документальные книги **«Белогвардейцы на Балканах»** и **«Русские в Парагвае»**. Велика заслуга К. перед русской лит-рой: он оставил талантливые книги о своем далеком, утраченном, но не забытом и милом его душе Отечестве.

Соч.: Каратеев М. Д. Русь и Орда: Т. I. Ярлык великого хана: роман / вступ. статья О. Михайлова; Русь и Орда: Т. II. Карач-Мурза (Тверь против Москвы): роман. М., 1991; Богатыри проснулись: роман. М., 1991; Карач-Мурза (Тверь против Москвы): Роман; Богатыри проснулись: роман. М., 1993; Железный хромец. Возвращение: Романы, очерки. М., 1992.

Лит.: По следам конкистадоров: История группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая. М., 1991.

А. И. Филатова

КАРПОВ Владимир Васильевич [28.7.1922, Оренбург] — прозаик, публицист.

Вырос в Ташкенте. С детства мечтал стать военным. В 1939 поступил в Ташкентское военное пехотное училище им. В. И. Ленина, начальником которого был комбриг И. Е. Петров (впоследствии ставший героем документальной повести К. **«Полководец»**). Успешной учебе будущего руководителя стрелковых подразделений сопутствовали профессиональные занятия спортом (бокс): К. завоевал звание чемпиона военного округа, чемпиона Узбекистана и чемпиона республик Средней Азии в среднем весе. Однако удачно складывающуюся военную карьеру пресекло непредвиденное: в конце апр. 1941, менее чем за 2 недели до выпуска, К. был арестован по доносу товарища-курсанта: готовясь к гос. экзамену по истории партии, будущий писатель имел неосторожность обра-

В. В. Карпов

туть внимание своего однокашника на то, что в популярной брошюре о работе Ленина «Что делать?» о Сталине говорится 80 раз, а о Ленине только 60,— при том, что когда Ленин писал свой труд, он даже не знал о существовании Сталина. Далее были одиночная камера, 5-месячные ночные допросы с избиениями, военный трибунал, приговор, осудивший курсанта на 5 лет лишения свободы по зловещей статье 58–10: «участие в заговоре против существующего строя» и «компрометация вождя народов И. В. Сталина». Начало Великой Отечественной войны юноша встретил в тюрьме; вскоре блестяще подготовленный офицер был отправлен в Сибирь на лесоповал.

После многократных обращений в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой отправить его на фронт К. в окт. 1942 был зачислен в одну из штрафных рот 39-й армии Калининского фронта. В районе г. Белый, на одном из самых тяжелых участков фронта, К. начал боевой путь. Принял участие во мн. атаках и рукопашных схватках, дважды сменил штрафную роту как один из немногих уцелевших; 20 февр. 1943 решением Военного совета Калининского фронта за проявленное отличие в боях с красноармейца К. судимость была снята и он был переведен в стрелковый полк разведчиком (как бывший боксер). В пешей разведке, участвуя в Ржевско-Вяземской (1943), Духовщино-Демидовской, Смоленской и др. наступательных операциях, проявлял чудеса храбрости, выполняя сложнейшие задания командования; лич-

но привел 45 «языков», участвовал в захвате 79 (нормой для присвоения разведчика к высшей воинской награде было 20 «языков»). За короткое время получил медаль «За отвагу», орден Красной Звезды, достиг звания старшего лейтенанта, стал командиром сначала отделения, затем взвода разведки. В 1943 К. принят в партию, в июне 1944 удостоен звания Героя Советского Союза.

Это означало абсолютную реабилитацию — и в то же время «прощение» за несовершенное преступление, за которое уже было понесено жестокое и незаслуженное наказание. В дальнейшем почти в каждом своем значительном лит. произведении К. анализирует эту абсурдистскую коллизию советской истории: наказание невиновных, их последующее награждение (без снятия вины), а в итоге — ощущение торжествующего исторического алогизма. В персонажах, к которым обращается К., будь это И. Петров, Г. Жуков или сам автор, писатель пытается разгадать логику слепой судьбы, обходящей выдающихся личностей своими милостями, и стоящие за нею решения, поступки, мнения людей, влиявших на эту судьбу и человеческие судьбы вообще. Олицетворением такой исторической судьбы и в повести «Полководец», и в трилогии «Маршал Жуков» для К. выступает Сталин, с одной стороны, воплощающий высшую историческую мудрость (ссылки на его авторитетные суждения — один из постоянных и исчерпывающих аргументов писателя в любом его повествовании о войне), с другой — именно Сталин принимает и самые несправедливые, ни на чем, кроме ложной и предубежденно трактуемой информации, не основанные решения и приказы. В самом начале повести «Полководец» К., размышляя о судьбе ее героя, с горестным недоумением констатирует: «Бывали в его военной службе высокие взлеты и неожиданные падения. Какая-то роковая несправедливость шла по пятам этого хорошего человека долгие годы. Непонятных загадок в жизни Петрова было немало. Вот на них и надо поискать ответы». Впрочем, ответы на экзистенциальные вопросы у К. не получаются или выходят достаточно тривиальными, по-житейски незатейливыми.

Осенью 1944, оправившись после тяжелого ранения, К. стал слушателем Высшей разведывательной школы Генерального штаба, затем Военной академии им. М. В. Фрунзе, после окончания которой (1947) был направлен на Высшие академические курсы (Военная академия Генштаба), где готовились

кадры разведчиков оперативно-стратегического звена. Начав печататься как литератор в 1945, К. в 1954 заканчивает вечернее отделение Лит. ин-та им. М. Горького. Творческими наставниками К. стали мастер лирической прозы К. Паустовский и А. Чаковский — талантливый публицист и баталист; к стилю последнего К. тяготел в большей мере.

Решив стать военным писателем, К. после окончания Лит. ин-та подал рапорт с просьбой направить его в войска — с тем, чтобы испытать себя на командных должностях и писать об армейских буднях. Несмотря на сопротивление непосредственного начальства, руководство Министерства обороны направило К. в Туркестанский военный округ. Здесь, в родной для него Средней Азии К. прослужил 10 лет: был заместителем начальника Высшего офицерского училища, командовал полком на Памире, в Кара-Кумах, был заместителем командира и начальником штаба дивизии на Кушке — вплоть до увольнения в запас в звании полковника (1965).

В 1962 вступил в СП. Созданные в это время лит. произведения несут во многом автобиографический характер: сб. рассказов и повестей **«24 часа из жизни разведчика»** (1960), **«Полковые маяки»** (1962), **«Командиры седеют рано»** (1965), **«Жили-были разведчики»** (1970), **«Солдатская красота»** (1973). Романы К. **«Вечный бой»** (1967) и **«Маршалский жезл»** (1970) были удостоены Гос. премии Узбекской ССР (1970). Повесть **«Такая работа»** (1974), переросшая в роман **«Взять живым!»** (1975), получила премию Министерства обороны СССР за 1978 и отмечена Золотой медалью. Роман **«Не мечом единым»** (1979) посвящен политико-воспитательной работе в армии. Как военный писатель, ставивший перед собой задачу положительного изображения Советской Армии и способствовавший повышению ее авторитета лит. средствами, К. был удостоен премии им А. Фадеева.

В целом произведения К. трудно назвать худож. в полном смысле этого слова. Скорее это — журналистские репортажи, развернутые очерки на документальной или мемуарной основе. Персонажи К. — реально существующие люди: типизация, реалистическое обобщение, худож. вымысел присутствуют в творчестве К. в минимальной степени; сюжеты его произведений, как правило, строго следуют событийной логике жизненной и исторической правды, что и обусловило прежде всего читательский успех его произв. Написанные языком военных сводок и воспомина-

ний военачальников, книги К. представляют собой обширный компендиум фактов, сведений, цитат, материалов бесед автора с разными людьми, различных суждений и интерпретаций, включая собственные размышления и комментарии писателя, выявляющие при всем строгом документализме повествования определенную авторскую тенденциозность и субъективную пристрастность. Изобретенный К. жанр он сам назвал «лит. мозаикой». В этом жанре выдержаны его главные произведения — документальная повесть **«Полководец»** (1982–84, Гос. премия СССР за 1986) и трилогия **«Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира»** (1989–99).

Параллельно с работой над этими итоговыми произведениями К. вел активную лит.-общественную жизнь и совершил стремительное восхождение по ступеням лит.-административной карьеры. В 1966 он — заместитель главного редактора Госкомпечати Узбекской ССР, с 1973 — 1-й заместитель главного редактора ж. «Октябрь» (главный редактор — Вс. Кочетов), в 1979–86 — 1-й заместитель главного редактора ж. «Новый мир», сообщив ему характер умеренно-либеральной респектабельности. В 1981, впервые выдвинутый в число делегатов очередного съезда СП СССР, К. избран секретарем и членом бюро его правления; в 1986–1991 он — 1-й секретарь правления СП СССР; одновременно становится кандидатом в члены ЦК КПСС (избран XXVII съездом КПСС в 1986), депутатом Верховного Совета СССР 11-го созыва.

С началом кризисных процессов коммунистического режима и развалом Советского Союза К. целиком отдался лит. работе над трилогией **«Маршал Жуков»**, **«На фронтах великой войны»**, **«Опала»** (1994–96; ее доработанный и сокращенный вариант в 1 т. вышел в свет в 1999). К. избран почетным членом Академии военных наук России, также он лауреат премий им. И. Бунина, К. Симонова, Международной премии «Золотая астробябия» (Италия) и т. д.

Позиция К. по отношению к постсоветской истории — сдержанно скептическая и критическая; его ностальгия по Советскому Союзу — также сдержанная, элегическая и скорбная. События последних лет скорее всего подтверждают его концепцию рокового торжества исторической несправедливости надо всем достойным и благородным. В заключение книги о маршале Жукове звучит своего рода реквием по советскому времени: «А эти, нынешние, как Иваны, не помнящие родства, открещиваются от всей нашей со-

ветской истории. С их благословения грязь и оскорбления, выдумки и ложь появляются во многих газетах и журналах, не говоря уж о „бесстыдном телевидении“...» (Маршал Жуков. М., 1999. С. 631).

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. М., 1982; Избранные произведения: в 3 т. М., 1990; Тайна: рассказы. Ташкент, 1966; Маршальский жезл: роман. М., 1972; Солдатская красота: роман, повести, рассказы. Ташкент, 1973; Взять живым!: роман. М., 1975; М., 1980; Истоки: Размышления о мужестве, доблести и славе. М., 1977; Мужают не только в бою. М., 1981; Не мечом единым: Роман, повести и рассказы. М., 1979.

Лит.: Волков К. О судьбе военной // Звезда Востока. 1965. № 9; Овечкин В. Роман о совр. армии // Лит. Россия. 1971. 19 февр.; Кудинов П. Охотники за «языками». М., 1971; Дымшиц А. Им было по 20 // Комсомольская правда. 1974. 10 дек.; Шорор В. Не славы ради // Лит. газ. 1975. 12 февр.; Ярославцев И. Владимир Карпов // Неделя. 1977. 2–8 мая; Козлов И. Личность, документ, образ // Лит. обозрение. 1985. № 5; Кондратович А. Спокойное лицо мужества; Сила слова // Кондратович А. Призвание: Портреты, воспоминания, полемика. М., 1987; Иванова Т. Что отдавать в переплет? // Иванова Т. Займемся делом! Полемиические заметки. М., 1987; Ланщиков А. Строгая любовь // Ланщиков А. Ищу собеседника: О прозе 70–80-х годов. М., 1988.

И. В. Кондаков

КАРПОВ Пимен Иванович [6(18).8.1884 или 1887, с. Турки Рыльского у. Курской губ. — 27.5.1963, Москва] — поэт, прозаик, публицист.

Родился в крестьянской старообрядческой семье. О своем селе К. позже писал: «Наш край — село скрытников-староверов. Табором кочевым разбросано оно по холмам в верховьях речки Клевени и речки Амони. Это рубеж Украины, ясеневая дикая заросль, перевал солнца: отсюда весной переваливается рыжий лежебок-солнце на Север» («Из глубины»). Обильный солнечными днями край наложил свою печать на светоносную образность произведений К., выразившуюся даже в названиях книг, а соседство с Малороссией зафиксировалось в обильных украинизмах их языка.

В 1905 К. принимает участие в революционной пропаганде среди крестьян. К 1906 относятся его первые публикации (очерки и стихи) в леворадикальной газ. «Курская весть», стоившие ему в 1907 ареста и заключения в тюрьму в г. Рыльске, откуда он с помощью товарищей бежал и некоторое время скрывался в Финляндии.

Намерение продолжить свой лит. путь приводит его в Петербург, где он устраивается поденщиком на резиновую фабрику «Треугольник». К. сближается с литераторами И. Ясинским (в квартире которого на набережной Черной речки некоторое время проживает) и Л. Андрусоном, а затем и с более широким кругом писателей, включая и столичную элиту, регулярно посещает собрания Религиозно-философского общества и «среды» на «Башне» Вяч. Иванова. Тогда же начинает публиковаться как поэт в петербургских ж. и газ. «Весна», «Мир», «Неделя», «Совр. слово», в приложении к «Ниве». С явным авансом похвалы стихи начинающего поэта приветствуются прессой: «Вот Пимен Карпов, молодой рабочий, с виду мешковатый, неповоротливый, будничней. А в душе у него — сказка — с золотыми зорями, с серебряными реками, жемчужными туманами, бриллиантовыми росами. Сколько аромата, нежности и радуги в душе этого молодого мужика!» (Шебуев Н. Поэтический анархизм // Весна. 1908. № 11. Март). На самом же деле стихи К. этого периода обильно насыщены расхожими образами, в них только изредка мелькают картины родного поэту крестьянского края, но и то на них лежит печать недостаточно органически усвоенного символизма. Позже К. говорил о том, что будто бы в 1911 им был подготовлен к изданию поэтический сб. «Знойная лилия», содержание которого составили стихи первого периода творчества; данные о выходе такого сб. историкам лит-ры не известны.

В 1909 выходит первая книга К. «**Говор зорь**», состоящая из очерков-нвектив, направленных против городской интеллигенции, безнадежно будто бы отошедшей от здоровых основ национальной жизни. Национальные корни К. видит в деревне, в крестьянстве, при разговоре о которых автор то и дело с публицистического тона своей книги переходил на лирический и апологетический. «И как это ни неприятно „интеллигенции“, народ чует говор зорь — голос Бога, правды, красоты и любви, чует грядущий расцвет жизни среди степей и лесов и бодр духом и полон сил. Город, так называемая городская культура, развращает, губит народ, спасется он только в деревне, на земле». Интеллигенция же обвиняется К. в грехах эгоизма, духовном ограблении народа путем монопольного владения культурными благами и лицемерном «народолюбии». В вызове интеллигенции К. стремился быть последовательным. Так, в письме от 7 апр. 1910 В. Розанову он декларировал: «Вы мне враг. Вы этого, веро-